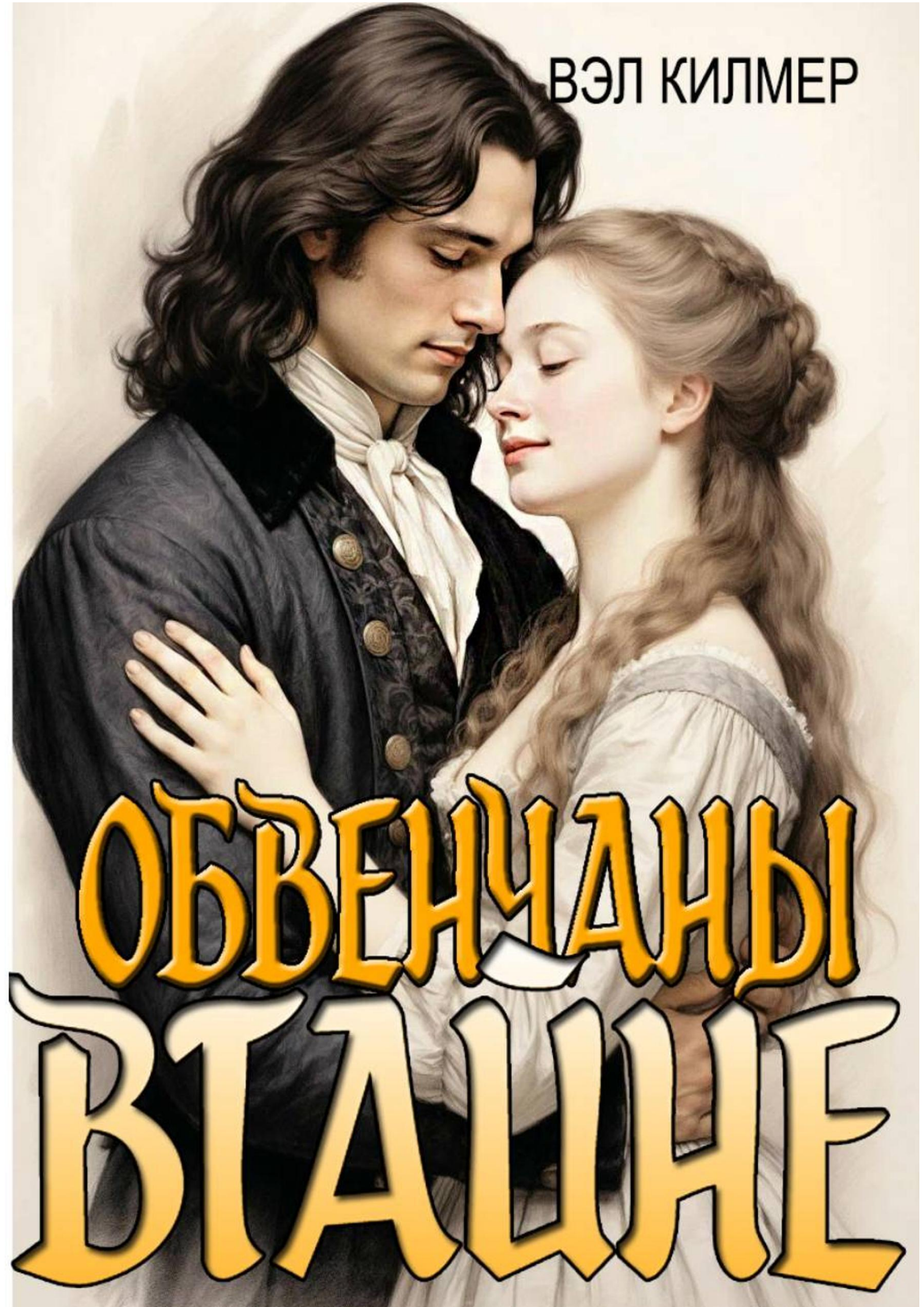

ВЭЛ КИЛМЕР

ОБВЕНЧАНЫ ВТАШЕ

Вэл Килмер

Обвенчаны втайне

«Автор»

2026

Килмер В.

Обвенчаны втайне / В. Килмер — «Автор», 2026

Будучи сиротой Питер попал в дом Уолтерсов и вырос бок о бок с Люси. Но оба никогда не питали друг к другу родственных чувств. И в восемнадцать тайно обвенчались. Но подтвердить брак они не смогли - Люси хранит тайну, не давшую ей сделать это, и даже больше. Тайна не дает ей жить и обрести счастье даже восемь лет спустя. Питер намерен выяснить правду, и если получится, вернуть себе жену...От автора: Время и место: XVII век, Лондон

© Килмер В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть	5
Глава 1. Беспомощность	6
Глава 2. Упрямая девочка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вэл Килмер

Обвенчаны втайне

Повесть

Глава 1. Беспомощность

Англия, 1693 год

— Приступ был тяжелым, — сказал врач.

Питер Февершем сидел у постели Генри Уолтерса, сжимая в ладони холодную, безвольную руку человека, который заменил ему отца. Внутри клокотала ярость, направленная на собственное бессилие. Он, стряпчий из Лондона, привыкший решать чужие проблемы, не мог сделать ничего, чтобы облегчить страдания человека, давшего ему кров.

И который страдал теперь из-за роковой ошибки Питера.

Мальчишкой-сиротой одиннадцати лет Питер переступил порог этого дома, и Генри Уолтерс не просто приютил его — он вырастил Питера достойным человеком. Люси, единственная дочь Генри и Джейн Уолтерсов, рыдала, пряча лицо в платок. Ее мать, Джейн, сидела в изножье кровати, утирая шелковым платком слезы.

Питеру до боли захотелось увидеть улыбку Люси, это бы поддержало его. Он отчаянно нуждался в том, хоть и понимал, что не вовремя и неуместно. Он не доверял себе и опасался, что чувства прорвутся наружу. Чувства, которые он обязан был скрывать.

Усадьба на правом берегу реки в миле к югу от Бриджуотер замерла в тревожном ожидании, как решится судьба ее хозяина. Сентябрьский ветер гнал по небу тяжелые тучи, и в комнате, несмотря на горящий камин, было зябко.

Генри лежал на высоких подушках, лицо его было пепельно-серым, дыхание — прерывистым и хриплым. Прибывший из города врач закончил осмотр и теперь стоял у окна, протирая очки. Питер и Люси подросли уже когда осмотр окончился.

— Но, с Божьей помощью, он выживет. Однако, миссис Уолтерс, восстановление будет долгим. Лорду Уолтерсу нужен полный покой и постоянный уход. Никаких волнений, никаких дел.

Миссис Джейн кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Питер сочувственно потрепал приемную мать по руке. Люси поднялась со стула.

— Что именно мы можем сделать, доктор?

Она как и мать была хрупкой, невысокой. При взгляде ее всякий уважающий себя мужчина ощутил бы потребность защитить ее. А сейчас тем более, когда печаль словно сделала ее меньше. Она зябко куталась в теплый платок.

Питер не особо осознавая зачем, тоже поднялся и потянулся к ней. Они хотя и выросли вместе, и жили бок о бок семь лет, он никогда не считал ее сестрой, а она его братом. В детстве они стали друг для друга авантюрными компаньонами, когда сбегали из поместья, сообщниками, когда воровали яблоки, и конечно защитниками друг для друга, когда за окном вдруг развевалась гроза. За восемь лет разлуки она почти не изменилась: те же светлые волосы, собранные в пучок, тот же прямой, уверенный взгляд ярких голубых глаз. Сейчас в этом взгляде читалась такая боль, что у Питера сжалось сердце.

Он положил ладони ей на плечи. Она инстинктивно спиной прижалась к его груди, накрыла его руку своей на плече. Теплой, мягкой, такой знакомой.

Эта маленькая хрупкая женщина стала в итоге любовью всей его жизнью.

Он прижался щекой к ее виску там, где золотистые волосы завивались кольцами. Прикосновение напомнило ему о единственном разе, когда им было по восемнадцать, когда он прикоснулся к ее губам. Счастливый миг, обернувшийся неожиданным и острым разрывом.

Она подошла к постели отца, опустилась на колени и коснулась пальцами его лба. Генри не открыл глаз, но его дыхание стало чуть ровнее.

— Я пропишу травяные настойки с добавлением железа по Уиллису. — Доктор защелкнул саквояж. — Они поддержат его.

— Главное, что он жив, — почти шепотом сказал ей Питер.

Люси, обернувшись, подняла на него глаза. В них блеснули слезы, которые она отчаянно сдерживала.

— Я так испугалась, — прошептала она. — Когда мне сообщили... Я думала, что потеряю его. Ты должен задержаться у нас, Питер. Взять на себя его дела, пока он не встанет на ноги. — Она посмотрела затем на мать. — Ты согласна, мама?

— Да, Питер. Ты сильно выручишь нас. Но если дела в конторе требуют твоего участия...

Ведение усадьбы это не работа в Лондонской конторе. Придется иметь дело с арендаторами и фермерами. Питер уже давно не знал, кто здесь теперь управляющий, что у него за характер. На него ляжет осмотр полей, скота, ремонт усадьбы, охота... Единственное, в чем он пожалуй мог бы пригодиться это разбирательства по долгам и заключение новых контрактов. В общем, он чувствовал уверенность в себе как в хозяине усадьбы ровно наполовину.

— Да, я останусь. Ничего. Несколько недель обойдутся без меня. Ну а нет, так я могу вести дела по почте.

Люси подошла, взяла его руку, и он почувствовал, как ее пальцы дрожат. Между ними мелькнула та старая близость, которую он не смел вспоминать последние восемь лет. Питер сжал ее ладонь, чувствуя, как дрожь передается и ему.

— Спасибо, Питер.

— Я не уеду. Я многим обязан Генри.

Слуги принесли отвары, которыми врач велел растирать грудь больного. В комнате запахло спиртовыми настойками и лекарственными травами.

Но управление вовсе не то, о чем следовало бы беспокоиться по-настоящему. Как только он приехал, Люси сообщила причину приступа у отца — обвинение, связанное с убийством Гобарта.

Восемь лет назад капитан королевской армии Гобарт явился в дом Уолтерсов в поисках мятежников против Якова II. Он обвинял, что Уолтерсы, будучи католиками, скрывают протестантов и поборников коронации Джеймса Монмута. Тогда он избил Генри. Питера к несчастью не было дома, чтобы защитить приемного отца.

Питер посмотрел на Люси. Он должен был сказать ей. Но не сейчас. Сейчас нужно было решить другое.

Спустя час они сидели в гостиной. Джейн Уолтерс молча разлила чай. Ее руки подрагивали, но держалась она с достоинством, как и подобает жене лорда.

— Питер, — начала она, ставя перед ним чашку, — ты займешь свою детскую комнату или гостевую?

— Надо посмотреть, в какой сподручней устроить стол, чтобы вести лондонские дела. Не хочу путать с делами Генри.

— Хорошо.

Если судья вернется и арестует Генри, его сердце не выдержит. Но Питер встретит опасность лицом к лицу и разберется со всем. Возьмет реванш у судьбы.

— Мама, — вдруг сказала Люси, и Питер увидел в ее глазах странный блеск. — Я тоже остаюсь.

— Но? — Джейн удивленно подняла бровь. — Постой-ка, а как же помолвка с сэром Ричардом?

Питер встрепенулся — неприятное жжение между ребер заставило его поморщиться.

— Ты помолвлена? — Он хоть и старался, но услышал в собственном голосе больше волнения, чем следовало бы проявить в ситуации.

— Я написала сэру Ричарду, что не могу принять его предложение, — перебила Люси. — Я отказала ему.

В комнате повисла тишина. Питер почувствовал, как кровь приливает к лицу.

Сэр Ричард — жених, о котором он слышал от общих знакомых. Богатый вдовец, владелец поместья в Дорсете. Люси скоро двадцать семь! Она вот-вот станет старой девой, и остаток жизни проведет либо с родителями, либо компаньонкой при тетке, ну, может, гувернанткой у кузена Спенсера.

Джейн побледнела, но виду не подала, сдержала возмущение. Отказать богатому вдовцу! Вот Люси учудила.

— Люси, — медленно проговорила Джейн, — ты должна была сказать раньше.

— Я не хотела вас расстраивать, — ответила Люси, и в голосе ее послышалась твердость. — Я поняла, что не создана для семейного счастья. Зачем вступать в брак, если я не могу быть той женой, которую он заслуживает? Ну а теперь, когда отец перенес потрясение, я бы тем более молчала.

Она не смотрела на него, но Питер чувствовал, что слова обращены к нему.

Восемь лет назад они обвенчались тайно. Всего лишь слова, произнесенные перед священником в маленькой часовне, без свидетелей. Никто не знал об этом браке — и союз так и не был подтвержден.

Питер был молод и наивен. Он думал, что Люси сбежит с ним, что они построят новую жизнь. Но они провели вместе всего два дня, а ночь между этими днями обернулась сущим кошмаром. После Люси словно отгородилась от него стеной.

Он писал письма в попытке выяснить, в чем провинился, но она не отвечала. Через год он узнал, что она поселилась у тетки.

И теперь она сказала это вслух: «Я не создана для семейного счастья».

Вечером Питер стоял у окна в гостевой спальне, перебирая в уме далекие события. Слуги уже принесли свежее белье и зажгли свечи. За окном стужались сумерки, и вдалеке виднелись очертания Бриджуотера. Поместье Уолтерсов располагалось неподалеку. Вокруг простиралось поле, на которых паслись овцы. Сейчас здесь было тихо и спокойно, не то что в проклятый 1685-й.

За стеной, в соседней комнате, находилась Люси. Он слышал, как она ходит, как скрипят половицы. И не мог избавиться от ощущения, что между ними натянута невидимая нить, которая вот-вот порвется или, напротив, стянется в узел.

Он вспомнил утро венчания восемь лет назад. Они стояли в часовне, и священник читал слова клятвы. Ее руки дрожали, пока она держала свечу. После церемонии он поцеловал ее, и она улыбнулась — впервые за долгие месяцы.

А потом она прогнала его.

Почему? Испугалась гнева отца? Осуждения людей — они все же росли как брат и сестра. А может поняла, что поддалась минуте безумия, а на трезвую голову ужаснулась содеянному?

Он так и не получил ответа. И теперь, когда он вернулся, чтобы защитить Генри, он понял, что его главная цель — узнать правду. Правду, почему Люси порвала с ним, едва выйдя за него замуж.

Наступила ночь. Поместье погрузилось в сон, но Питер так и не сомкнул глаз. Не в силах дальше лежать и тупо глядеть в темноту, он спустился в кухню. Здесь было тепло, в очаге еще тлели угли. Он налил себе воды из кувшина и вдруг услышал шаги. И обернувшись, застал на пороге Люси.

В сравнение с тем, что случилось с отцом ее размолвка с тетей показалась сущим пустяком. Да и сама тетя Элиза, сестра матери, немало испугалась, узнав о приступе у Генри. Даже бурный разрыв с сэром Ричардом померк. То есть с ее стороны все прошло спокойно и вежливо, но вот сэр Ричард проявил эмоции несвойственные джентльмену. Она даже не подозревала, что он успел прикипеть к ней сердцем, и разрыв скажется на нем с такой силой.

Ей стоило поскорее заснуть, но нервы дрожали как натянутые струны. Возможно виной тому были сами стены родного дома и присутствие в них Питера.

Она решила заварить мяты, поискать молока и меда. И, как нарочно, в кухню пришел и Питер.

— Тоже не спится? — спросила она, подходя к столу.

— Слишком много мыслей.

Даже в полумраке она ощутила его взгляд и движение головы в свою сторону.

— Что ты пьешь?

— Воду.

— Мысли она не прогонит. Сейчас заварю... — Она открыла и понюхала уже вторую банку с полки, где мать хранила разные травы. — Ромашку. Хочешь?

Пришлось пошевелить очаг. Она налила воды ровно на две чашки, чтобы поскорее закипела. Сидеть рядом с Питером и ждать оказалось весьма приятно. До тех пор пока он молчал.

— Признаюсь, известие о твоей помолвке меня озаботило.

— Вот как?

— Но о разрыве больше. Я понимаю, тогда тебя, вероятно, отвратило осознание, что с юнцом масла не взбить. Но теперь ты, будучи взрослой, отказалась от состоявшегося мужчины. Тебе так хочется коротать остаток жизни в одиночестве?

Она медленно и с опаской подняла глаза. Взгляд уперся в разрез его рубашки, в котором белела оголенная грудь с завитками темных волос. Щеки опалило жаром. Она отвернулась.

— В одиночестве я окажусь, если отправлюсь в море в шторм, и после крушения меня выбросит на необитаемый остров.

Он вздохнул.

— Чтение не пошло тебе на пользу. Вместо того, что бы ответить прямо, ты начинаешь фантазировать.

Люси явственно ощутила тепло его рук на своих плечах, когда он обнимал ее днем, стоя у кровати отца. Мысль, что он не отпустил ее до конца, отозвалась неприятным чувством где-то в животе.

Она встала, чтобы заварить им чаю, и поторопилась — обожгла палец.

— Люси! — всполошился Питер.

— Тише, Питер, прошу. Перебудишь пол дома.

Она села назад в кресло уже с чашкой, пахшей ромашкой и медом. Питер шумно отпил из своей.

Снова повисло молчание. На кухне было тихо, лишь потрескивали угли. И снова первым начал Питер:

— Почему ты не вышла замуж, Люси? Ты сказала матери, что не создана для семьи. Но ведь мы... — Он запнулся, наверное, подбирая слова. — Мы ведь так и не были мужем и женой по-настоящему. Наш брак остался лишь на словах. Ты ведь хотела обрести счастье тогда, пусть даже... кхм... в шутку.

Она подняла на него глаза.

Нет. Вовсе и не в шутку!

Его присутствие, его спокойное тепло успокаивало и сейчас, и тогда. Она по-настоящему хотела стать его женой!

Вдруг она осознала, что загнала себя в ловушку. Решив остаться, она думала об отце, а не о том, что волнующее присутствие Питера может оказать на нее влияние, и так или иначе вынудит выдать истинные чувства. Выдавать которые она не собиралась ни в коем случае.

Он не отводил теплых карих глаз. Глаз, в которых она видела свое смеющееся отражение с юности. Только Питер умел рассмешить ее.

Он мог остаться здесь из-за меня, — шепнуло что-то.

Она сглотнула.

— Я не хочу говорить об этом, Питер.

— Неужели он тебе совсем не нравится? Странно мне все это слышать. Я переживаю за тебя. Я желаю тебе счастья.

Стоило предположить, что он, будучи всегда отзывчивым, обязательно полезет с подобными расспросами.

— Сэр Ричард хороший человек. Но я решила так. И тебя это не касается.

Жених ей действительно достался очаровательный, она не лукавила. С ним бы она не знала нужды, и даже больше: она была уверена, что сумела бы показать себя отличной хозяйкой. Руководство отчим домом у нее всегда спорилось.

— Питер, случившееся с папой... И это обвинение, имя Гобарта... Слишком много на сегодня. Я иду спать.

Она поставила чашку, встала. Но не смогла сделать шага, задержав взгляд на Питере.

Что если.... Что если все сложилось сейчас именно так не спроста? Сама судьба требовала от нее разобраться с прошлым?

И Питер внезапно словно прочел ее мысли.

Он протянул руку и накрыл ее ладонь своей.

— Люси. Хочется тебе того или нет, но я до сих пор считаю тебя своей женой. Может быть, лишь на словах, но это так. Хочешь или нет, но нам придется расставить все по местам. Ведь, кажется, прошлое мешает тебе жить сейчас. И я это так не оставлю.

Под его тяжелым взглядом, требующим ответа, возражать не имело смысла. Люси знала — нет ничего, что собьет Питера с намеченного пути. Так что ей оставалось смириться и искать пути лавирования меж острых камней.

— Спокойной ночи, Питер.

Он грустно улыбнулся.

— Дай-то Бог.

Глава 2. Упрямая девочка

Питер закрыл за собой дверь гостевой комнаты и прислонился спиной к дверному полотну. В груди саднило от той невыносимой близости, что возникла между ними на кухне. Он сказал ей, что считает своей женой. Сказал и не взял слов обратно. И теперь, оставшись один, он чувствовал себя глупцом, который выложил на стол все карты, даже не проверив, есть ли у противника туз в рукаве. Чувствовал, что сделал поспешное, излишне откровенное признание женщине, которая не думала о нем, как о муже целых восемь лет.

Лучше бы он дал ей понять, что не испытывает никаких чувств, что уже и забыл такое слово как жена. Ведь он правда все еще чувствовал тень разочарования, которое испытал в брачную ночь, когда Люси прогнала его прочь и заперлась в спальне. Она буквально вышвырнула его на порог гостиницы.

Он отошел от двери, прошелся по комнате. Свечи на столе трепетали, отбрасывая пляшущие тени.

Восемь лет он носил в себе эту тайну. Их венчание лишь безумная выходка двух влюбленных юных созданий, которые думали, что их любовь победит всё — сословные различия, мнение света, волю родителей. Он был сыном погибшего роялиста, сиротой, которого приютили из милости. Она — дочерью лорда, наследницей поместья. Разве мог он претендовать на неё всерьез? Но тогда, в восемнадцать, ему казалось, что они преодолеют любую преграду.

Они не преодолели. Через два дня после венчания она сбежала к тетке, оставив записку: *Прости, я не могу.*

Он напрасно пытался добиться объяснения. На письма она удобно не отвечала, а встреч избегала, что стало легче легкого, после как он переехал в Лондон.

Восемь лет, а он так и не женился. Был момент, когда он почти сделал предложение дочери одного судейского чиновника — добрая, спокойная девушка, без капризов, без загадок, — но в последний момент понял, что не может. Не может строить жизнь с женщиной, когда его душа навеки привязана к той, что сбежала.

Он подошел к столу, взял свечу и поднес к маленькому портрету в серебряной рамке, стоявшему на комод. Питер и не заметил его сразу, но теперь, приглядевшись, узнал детский профиль. Люси в свои двенадцать выглядела серьезной и немного испуганной, как если бы художник поймал её врасплох.

Такой он ее и увидел, как только переступил порог дома Уолтерсов. Ему было одиннадцать, он был тощим, угрюмым от осознания, что остался совсем один. Отец погиб в битве при Вустере в пятьдесят первом, а мать и новорожденного брата унесла горячка.

Причем родне он оказался не нужен, тогда как Генри, лишь добрый друг отца отыскал его и забрал к себе.

Он прибыл в поместье в холодный поздний вечер. В огромном холле горел камин, и он помнил, что сначала увидел ноги — новые кожаные туфельки, стоящие на медвежьей шкуре. Потом поднял взгляд — и увидел её. Девочку со светлыми локонами и испуганными голубыми глазами. Она смотрела на него с порога гостиной, стискивая в руках тряпичную куклу, и казалась такой же потерянной, как и он.

— Это Питер, — сказал Генри, положив руку ему на плечо. — Он будет жить с нами. Относись к нему как к брату, Люси.

Брату. Генри и Джейн искренне полагали, что их дети — Питер и Люси — будут как брат и сестра. Она была младше на год, капризная, но трогательная, и он привык следить за ней, защищать её от мнимых опасностей. Он сидел с ней в кладовке, когда гремела гроза и дул на ссадины, если она разбивала коленки и локти, не думая, что это выглядит странно. Она много требовала. Эта затейница боялась одного: семечек во фруктах. До смерти боялась.

— Ты правда думаешь, что можешь умереть от семечек? — смеялся он.

— Конечно, — серьёзно ответила она. — Если съесть семь яблок и не выплюнуть семечки — сердце остановится.

С тех пор, когда они ели яблоки, она неизменно протягивала ему и просила избавить ее от опасности.

— Проверь, Питер. Вдруг там есть семечки.

Он вычищал каждое зернышко, чувствуя в груди разливается тепло от того, что она ему доверяет. Глупо, но мило. Маленькая, почти незаметная забота превратилась в любовь. К шестнадцати годам он уже точно знал: она для него больше чем сестра. Он не мог представить жизни без её смеха, без её упрямого взгляда, без её рук, которые она всегда протягивала к нему в минуты страха.

Он по-детски мечтал жениться на ней, считая свою мечту абсолютно недостижимой: он все же понимал что не по статусу ей. Но она сама первая дала понять, что в свою очередь он ей совсем не брат, и не друг. Это было смело. Почти безрассудно с ее стороны. Зато он понял, что ни при каких обстоятельствах не предаст ее и останется верен навсегда. Ее доверие, вклад в их союз казался неизмеримо бесценным.

И потому еще более странным и непонятным было ее резкое охлаждение в брачную ночь.

Осознала ли она всю пропасть между ними?

Питер со вздохом повернулся на бок, поймав себя на том, что мысли пошли по уже избитому кругу. Детство, влюбленность, венчание, ночь и вопрос за вопросом, один за другим.

Но вот она заперта с ним на усадьбе, по меньшей мере на неделю или две: пока не сбежит.

Он попробует по-хорошему, сначала по-дружески.

Но если она продолжит упрямиться, ему не останется ничего другого, как пригрозить разводом. Он напомним, что занимается адвокатской деятельностью, что в общем ничто не мешает ему потребовать от нее этого.

Но если это случится, все узнают, что они обвенчаны. Люси вряд ли захочет, чтобы правда всплыла.

Уверенный, что добьется своего, он наконец заснул.

Утром из кровати его выгнала сырость. Раздевшись до пояса, Питер провел рукой по щеке — до бритья можно потерпеть. Слуга принес таз с холодной водой и льняное полотенно, но не розмариновую воду.

— Мисс Люси готовит на кухне прямо сейчас, — объяснил слуга.

Питер отдал ему парик для чистки, обмылся водой, тщательно обтерся, раздумывая, что следует привезти сюда из Лондона. Он еще стоял голый по пояс, когда в дверь постучали.

— Входите.

На пороге возникла Люси с бутылкой в руках. Она застыла, задержав взгляд на его груди. Он невольно выпрямил спину, раскрыв плечи, заметив, что по ее скулам побежала краска.

— Ох, Питер...

— Мой вид оскорбляет тебя? — посмеялся он, вытирая руки. — Ты ведь уже видела меня таким.

Люси вошла и направилась к столу, на котором стоял таз.

— Вот розмариновая вода... — Она повернула к нему голову, ее взгляд прошелся по его торсу, она поспешила отвести его. — Но ты уже не мальчик. И даже не юноша.

В их так называемую брачную ночь он успел раздеться вот также до штанов. Волос было меньше, как и мускулов. Теперь он мужчина. Мужчина, от которого она отказалась.

— Да. Мне уже не восемнадцать.

Да и она теперь женщина. Он бы не отказался увидеть ее обнаженной. Она сохранила грацию и гибкость тела, но теперь к этому добавились притягательные округлые формы груди, плеч, изгиб талии. Это по праву принадлежало ему, а на деле было недоступно как Луна на небе. Невозможно нелепая ситуация.

— Спасибо за воду.

Они встретились глазами. пару мгновений Люси над чем-то размышляла. Он потянулся за нижней рубашкой и этим вывел из оцепенения.

Она с резким вздохом уставилась на его саквояж, который он собрал крайне спешно и как получится.

— Тебе наверное нужно уладить дела в конторе? И съездить за вещами?

— Да.

— И мне. Заодно попрошу у тети немного денег.

— Зачем? Вам не хватает?

— Это так. Наши личные дела.

Питер поправил рукава.

— Точно? Или есть что-то о чем мне стоит узнать?

— Я не занималась здесь делами три года подряд. Нам вместе придется вникать в дела.

Он кивнул.

— Спасибо, что остался.

Питер фыркнул.

— Тебе спасибо. Я, если честно, удивился, что ты позвала остаться.

Она нахмурилась, лицо снова порозовело. Да, она прекрасно понимала, к чему он.

— Ты сбежала и скрывалась от меня, словно я... предал тебя. Не знаю. Видит Господь, я до сих пор гадаю о причинах твоей ледяной холодности. Ну не хотела ты... — Он посмотрел на дверь убедиться, что в коридоре никого, и понизил голос почти до шепота. — Жить в браке. Но почему я заслужил остракизм как друг? Мы с детства были неразлучны.

Он сложил руки на груди. Он чувствовал, что повторяет вчерашнюю ошибку, но не смог остановиться и сказал:

— Я скучаю по тебе.

Ее губы вопреки всем ожиданиям дрогнули, а взгляд сделался печальным.

— Я тоже.

Сердце его сильно ударилось.

— Тогда почему избегаешь? Наказываешь за то что я не остановил нас обоих от шага в тот день?

Она встрепелась.

— Вовсе нет, Питер! Поверь.

— Выглядит именно так. Ты вроде хочешь стереть меня. Забыть. Но избегаешь замужества. Загадка достойная умов великих ученых, — невесело ухмыльнулся он.

Она поджала губы, погрузнев.

— Ты так-то тоже не торопишься жениться.

— Я мужчина. Мне торопиться некуда.

— Так ты хочешь?

— Однажды я решусь. Конечно.

— Будет хорошо. Я благословлю тебя.

Он покачал головой.

— Не богохульствуй.

— Никто не узнает. Что было, что не было.

— Но для тебя кажется, это не так? Для тебя все еще значит что-то?

— Я уже назвала свои причины отказа от брака.

— В целом. Но не со мной.

Снова они принялись мериться взглядами. И первой из схватки вышла Люси. Резко развернувшись, она вышла. Ушла, грубо лишив его возможности узнать правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.